

**САЛИХДЖАН БАРУДИ И МАХМУД ЮСУПОВ
(МАЛОИЗВЕСТНАЯ ИСТОРИЯ ОТНОШЕНИЙ
УЧИТЕЛЯ И УЧЕНИКА)**

В.В. Черновская

*Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан
Казань, Российская Федерация
ecolog2003@yandex.ru*

Статья посвящена малоизвестной истории взаимоотношений известного татарского богослова и просветителя Салихджана Баруди и его ученика Махмуда Юсупова, имама Ярославской соборной мечети (1907–1922). Источниками для ее написания послужили воспоминания потомков М.Юсупова, живущих в Республике Татарстан, извлечения из архивных документов, сочинение Мухаммеда Мубайина «Мират аш-Шурух» («Зеркало комментариев»), изданное в Казани в 1903 г. Юный Махмуд читал его под руководством Салихджана Баруди в годы своего ученичества в Казанском медресе. Позже, будучи уже имамом, он читал этот труд со своими учениками. Запоминая и закрепляя в памяти каждый прочитанный текст, они продвигались в знаниях по основам мусульманского вероучения и одновременно упражнялись в лексике и грамматике арабского языка. Сочинение М.Мубайина служило учебным пособием ученикам мэктап (школы) при мечети до 1931 г., когда по решению городских властей мечеть и мэктап были ликвидированы.

Ключевые слова: Салихджан Баруди, Махмуд Юсупов, сочинение Мухаммеда Мубайина «Мират аш-Шурух», школа при Ярославской мечети, религиозное образование.

Для цитирования: Черновская В.В. Салихджан Баруди и Махмуд Юсупов (малоизвестная история отношений учителя и ученика) // Историческая этнология. 2019. Т. 4, № 2. С. 312–319. DOI: 10.22378/he.2019-4-2.312-319

Нитью, связующей вехи жизненного пути С.Баруди и М.Юсупова, имама хатыба Ярославской соборной мечети, стала метрическая книга. Она состоит из десяти *дәфтәр* (тетрадей), переплетенных в один том. Затерянный среди томов аналогичных метрических записей православных храмов под номером 588 он уцелел чудом. Единственный раз метрическую книгу мечети затребовали из архива в 1962 г., когда по запросу из Казани из нее была сделана сводная выписка о рождении в Ярославле детей имама М.Юсупова: Биби Камал, Биби Хафазы и Абдуллы.

Эта выписка, сохранившаяся сиротливым вкладышем в одной из *дафтэр*, стала отправной точкой для поисков потомков имама М.Юсупова. В 2007 г. автору посчастливилось встретиться с женой Абдуллы – Раисой Ибрагимовной и его дочерью Гузалией в столице Татарстана. Так, подобно мозаике, из отдельных фактов, сведений и рассказов потомков имама М.Юсупова сложилась картина его жизни, начавшейся в небольшой деревушке Нижегородчины – Антяровке, и завершившейся в Ярославле в 1922 г.

М.Юсупов родился 3 января 1878 г. в крестьянской семье. Тогда в Антяровке действовали две *мактэп* для мальчиков. В период, когда среди учеников одного из них находился юный Махмуд, в них обучались 80 мальчиков. Тем из них, кто был одарен усердием и тягой к знаниям, школа при мечети давала необходимую подготовку для будущей деятельности имама.

По устоявшейся в XIX в. традиции продолжение учебы было связано с переездом в Казань, тогда центр мусульманской учености. Так поступил и Махмуд Юсупов. В Казани он учился у Салихджана Баруди, который был имамом хатыбом и мударрисом в медресе 10-го прихода Ново-Татарской слободы г.Казани [4, с. 52, 170–171]. По содержанию и направленности учебных занятий это медресе стояло в одном ряду со славной Мухаммедией и Апанаевским медресе при Азимовской мечети.

Салихджан, брат Галимджана Баруди, был известным богословом и активным сторонником реформаторских идей. В среднем шакирды обучались в медресе семь лет. За годы учебы между ними и их наставниками устанавливались доверительные отношения, перераставшие в дружбу. Похоже, такие отношения связывали Махмуда Юсупова с его духовным наставником и учителем Салихджаном Баруди.

Просматривая листы метрических записей, заполненных рукой Махмуда Юсупова, нельзя не обратить внимания на одно обстоятельство. Графы и соответственно колонки, в которых эти записи делались, заполнялись по-разному. В один год – аккуратно и полно, в другой – торопливо и с сокращениями, из-за которых вкрадывались ошибки. Например, в *дафтэр* за 1915 г. в графе, в которой полагалось указывать год рождения, Махмуд Юсупов пишет «1978», вместо «1878». В других случаях он забывал указать день и месяц своего рождения или вписать номер свидетельства, подтверждающего его статус указного муллы [2, л.4].

Единственная графа, при заполнении которой он не допустил ни одной небрежности, была третья по счету колонка на вторых листах *дафтэр*. Здесь сообщались сведения об учителе (*устаз*), у которого были получены богословские знания. В тщательности, с которой М. Юсупов заполнял эту колонку, сквозило уважение, если не трогательная привязанность, ученика к своему учителю и духовному наставнику. В пользу этого предположения говорит и другое обстоятельство. На втором году своего пребывания в Ярославле, мулла М. Юсупов обратился в Губернское правление с просьбой выдать ему билет на двухмесячный отпуск. Его просьба

была удовлетворена. Билет был доставлен ему 9 апреля 1909 г. в дом Измайлова по улице Рождественской, где тогда он жил со своей семьей, и вручен ему под расписку [1, л. 16]. Заметим, что время выбранное им для отпуска было не совсем удачным. За день до отъезда М. Юсупова из города, 8 апреля его жена Халифе разрешилась от бремени четвертым ребенком. Старшей дочери Зейнеп было 6 лет, сыну Жефяру – 4 года, а Биби Камал не исполнилось и двух лет. Семья жила на съемной квартире. К тому же приход, численность которого увеличивалась, требовал неустанных и повседневных забот муллы.

Можно было бы предположить, что чрезвычайные обстоятельства потребовали срочного присутствия М. Юсупова в Антяровке. Но он не указал место и причину своей поездки. Как сделал это, выехав, например, в Уфу на испытание в Оренбургское магометанское духовное собрание весной 1907 г. [1, л. 17]. Выходит, М.Юсупов не хотел называть цель и город, который собирался посетить. И, вероятнее всего, свой отпуск (или часть его) он провел со своим учителем и наставником С. Баруди. В 1908 г. он и его брат Галимджан находились в ссылке в Вологде. Их пребывание здесь под надзором полиции было определено двумя годами. Но вышло послабление. МВД разрешило им второй год ссылки провести за границей. Перед отъездом они на короткое время вернулись в Казань, а затем отправились в заграничное путешествие. Пересекаясь во времени, два события, а именно: предстоящее путешествие братьев Баруди за границу и отъезд М. Юсупова из Ярославля, позволяют предположить, что последний навещал своего учителя в Казани или другом городе Империи до его отъезда за границу.

Мы уже не узнаем, был ли отслежен агентами охраны апрельский маршрут муллы М. Юсупова, или сам факт его учебы в казанском медресе, в котором преподавал С. Баруди, но вскоре после возвращения в Ярославль, мулла М.Юсупов был поставлен под негласный надзор полиции. Галимджан и Салихджан Баруди значились в списке 28 видных панисламистов, т.е. проводниками идеи объединения мусульман «вокруг ислама и халифа». Надо полагать, в сочувствии к этой идее подозревался и воспитанник С. Баруди – Махмуд Юсупов. Так или иначе, в структуре Ярославского охранного отделения появились два подразделения (стола) – «Ислам» и «Бреги». До 1918 г. сюда направлялись донесения и рапорты агентов этих подразделений о настроениях и действиях муллы Юсупова.

О доверительных отношениях С. Баруди и М. Юсупова свидетельствует и другой факт. По смерти М. Юсупова его вдова и пятеро осиротевших детей переехали жить в Казань, где их единственным опекуном и покровителем мог быть только Салихджан Баруди.

В Казани, где оказались Халифе и ее дети, им дали комнатушку в доме по улице Кирова. Шесть человек ютились на площади девять квадратных метров. Халифе не назвала детям имени человека, который помог им получить жилье. Но то, что он был уважаемым и авторитетным в

городе человеком они догадывались. Однажды, кто-то из ярославских татар, посетивших Казань, увидел и узнал идущую по улице Халифе. После этой встречи в компетентные органы поступил донос, что жена Ярославского муллы проживает в Казани. Однако обошлось. Неизвестный покровитель заступился за Халифе. Подтвердил, что ее покойный муж был не муллой, а учителем. Отчасти это было правдой. Помимо отправления религиозных треб, мулла М.Юсупов был учителем в школе при мечети. О времени его преподавания в *мактәп* чудом сохранилось учебное пособие, которое штудировали воспитанники под его руководством.

В мектебе было два класса. Учителем в младшем классе работал Невреддин Жедиханов, совмещавший обязанности муэдзина и учителя младшего класса (сабиана). Старший класс образовывался вокруг мугаллима Махмуда хазрата Юсупова. Уцелевшая книга из его библиотеки свидетельствует, Махмуд хазрат читал с ними комментарий (*шарх*) Мухаммеда Мубайина на «Лестницу наук», трактат по логике индийского ученого Бихари (ум. 1708).

Шарх М. Мубайина под названием «Зеркало комментариев» был опубликован в Казани в 1903 г. [3]. Видимо там М. Юсупов приобрел эту книгу и привез с собой в Ярославль. В студенческие годы занятия с ним по этой книге вел Салихджан Баруди.

Чтение *шарх* бесполезно без сопровождающих уроков «по корням», т.е. основам фикха, тафсира и занятий арабским языком. Иначе говоря, прежде, чем приступить к чтению того или иного отрывка из книги Мубайина, Махмуд хазрат должен был дать своим питомцам знания в объеме, необходимом для восприятия конкретной страницы (или отрывка из нее), потом следующей и т.д. Понятно, что для этого требовался не один год. Иными словами, цель совместного чтения сочинения Мубайина состояла не в изучении логики. Эта дисциплина была предметом преподавания в медресе. Речь идет о методике, в основу которой были положены принципы обучения в школе при мечети. Логично предположить, что М. Юсупов собирал вокруг себя учеников, чтобы дать им углубленные знания и подготовить их к поступлению в медресе.

Неизвестно, сколько его учеников пожелали, как тогда говорили, «искать знаний» в центрах мусульманской учености. Но бесспорно, читая с ними *шарх* Мубайина, Махмуд хазрат готовил их к этому. Запоминая и закрепляя в своей памяти каждый прочитанный текст, его воспитанники продвигались в знаниях по основам вероучения и ритуала и упражнялись в лексике и грамматике арабского языка. До 1924 г. мечетскую школу могли открыто посещать все мальчики из татарских семей.

Истонченные изломы нижних и левых углов обложки *шарх*, пометы красными чернилами на его отдельных листах, вкладыши на арабском языке (суры Каф и Комнаты из Корана) – все это признаки постоянного обращения муллы и его учеников к книге Мубайина [3, с. 23, 25, 29, 33–39, 46, 47, 49, 50, 286].

В цепочке поколений ярославских мусульман память об имаме М. Юсупове трансформировалась в легенду. Говорили, что его убили вскоре после прихода к власти большевиков. В реальности он умер от сыпного тифа 29 мая 1922 г. О чем в городской книге о смертях за этот год есть соответствующая запись. Через восемь лет мечеть закрыли. Накануне ее ликвидации верующий мусульманин забрал из мечети *шаرخ* Мубайина к себе домой. Дата «1951» и литеры «ЙИЛ», (вероятно инициалы прихожанина), оставшиеся на обороте последнего листа книги, свидетельствуют, что она находилась в частном хранении двадцать лет. Все эти годы языком общения и молитвы в его семье оставался фарси. На странице, разделяющей первую и вторую части книги, есть запись молитвы, сделанная рукой взрослого человека [3, с. 175]. Корявые русские буквы персидских и арабских слов говорят о том, что запись появилась после 1939 г., когда латинский алфавит был заменен кириллицей во всех мусульманских языках. Употребление кириллицы облегчало русификацию мусульман. Смена алфавита делала письменное наследие на арабском языке недоступным для будущих поколений. Если представители старшего поколения еще помнили арабское правописание, то младшее поколение в мусульманских семьях, поголовно грамотное на русском языке, не знало его совсем.

Дети и подростки воспитывались советской школой, октябрятской и пионерской организациями и с восторгом воспринимали идеи типа «молодежь на самолеты» или «безбожник у станка». Их проще было оторвать от религии, что и происходило в большей или меньшей степени в семьях верующих мусульман. Сын (или внук) персиянина (или таджика), в доме которого хранилась книга Мубайина, оставил свой автограф на листе, завершающем ее последнюю главу. То, чего не позволил бы себе ребенок, проучившийся хотя бы год в мечетной школе, сделал школьник никогда не посещавший ее. На пустом листе между переплетом и печатной страницей текста книги есть картинка, нарисованная ручкой с перышком, какие обычно обмакивали в чернильницы-непроливайки в советских школах. На ней изображен дом, так, как его изображают школьники младших классов. Выше грузовик, ниже планер и совсем низко, почти задевая крышу, летящий аэроплан с надписью на боку «СССР». По силуэту он напоминает отечественный истребитель И-5. Значит, рисунок юного художника, мечтавшего стать то ли шофером, то ли летчиком можно датировать декадой 1930-х гг., когда началось серийное производство самолетов данного типа. Тогда преподавание школьникам исламского вероучения в мечети или в частном порядке в свободные от школьных занятий дни было запрещено.

Глава семьи, как и другие пожилые люди, у которых не смогли отобрать веру, продолжал учить детей (или внуков) основам веры и правилам ритуала. Он ещё помнил арабскую графику. Нумерация страницы, на которой находилась молитва, обозначена арабской цифрой, но написать правила ритуала он не умел или пожелал обозначить русскими буквами.

Возможно, он сделал это, чтобы его дети (или внуки) могли правильно совершать утренний намаз и читать молитвы: *ният на Сунну – такбир – «ас Сана»* (восхваление Всевышнего) – *ният на фард...*» [3, с. 175]. Далее текст прерывается. Больше записей и помет в книге нет. Неведомыми путями книга Мубайина попала в партийный архив области, где никем невостребованная, пылилась на полке почти полвека. Оттуда, уже списанная, она попала в руки автора статьи, и была им возвращена в мечеть. При мечети действует медресе, в котором преподаются арабский язык и те же предметы, что и в мектебе сто лет назад. Как тогда, так и сегодня, извлечения из *шарх* М. Мубайина на трактат по логике известного мусульманского ученого помогают тем, кто стремится лучше понять ислам. Методика, в основу которой были положены принципы обучения в медресе, в котором преподавал Салихджан Баруди, возрождается в преподавательской практике благодаря книге, некогда принадлежавшей его ученику Махмуду Юсупову. Имя мусульманина, сохранившего ее в годы бесноватого атеизма, неизвестно. Все, что можно сказать о нем, это то, что по этнической принадлежности он был предположительно персом, которому революция перекрыла дорогу на родину, или таджиком, осевшим в Ярославле во вторую декаду советского строя, когда началось строительство шинного и других заводов резиноасбестового комбината. Пока действовала мечеть, он посещал уроки исламского вероучения, которые после смерти Махмуда хазрата проводил его преемник имам Хусейн Айнетдинов. Возможно, сам имам передал ему на хранение книгу Мубайина накануне ликвидации мечети. Ведь «как рассадник религиозных знаний» она подлежала бы немедленному изъятию и уничтожению.

Книга Мубайина свидетельствует, что в процессе обучения старшей группы учеников муллы Юсупов следовал принципам преподавания в казанском медресе. В школах такого уровня как медресе Салихджана Баруди дисциплины *аклият – фикх* (право), *нахв* (грамматика) и логика были главными предметами. Учебными пособиями шакирдам по этим предметам служили *шарх* и *хэи* (комментарии) на труды авторитетных мусульманских ученых. *Шарх* Мубайина на трактат по логике аль Бихари «Сулляям аль улюм» (Лестница наук) был таким учебным пособием. Отсюда преемственность в организации занятий, которые вел Махмуд Юсупов со своими питомцами. Она была явно заложена годами его учебы в медресе у Салихджана Баруди. В советскую эпоху эта преемственность прервалась. Но мусульманские семьи остались. Связующим звеном между ними стали домашние мечети. В них проводили пятничные *джума*, читали Коран, держали пост, совершали свадебные и иные обряды. Эти непотопляемые атеистической пропагандой островки веры дадут импульс возрождению ислама в постсоветское время.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Государственный архив Ярославской области. Ф. 79. Оп. 13. Д. 1158. Л. 16, 17.
2. Государственный архив Ярославской области. Ф. 230. Оп. 11. Д. 588. Л. 4.
3. Мубайн М. Мират аш-Шурух (Зеркало комментариев). Казань: Лито-Типография И.Н. Харитонова, 1903, 382 с. (на арабском яз.).
4. Юсупов М. Галимджан Баруди. Казань: Татарское книжное изд-во, 2003. С. 52, 170–171.

Сведения об авторе: Черновская Валентина Вениаминовна – доктор исторических наук, профессор, старший научный сотрудник отдела новой истории Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (420111, ул. Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация); ecolog2003@yandex.ru

**SALIHJAN BARUDI AND MAHMOUD YUSUPOV
(LITTLE KNOWN STORY OF THE RELATIONSHIP
BETWEEN A TEACHER AND HIS DISCIPLE)**

V.V. Chernovskaya

*Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
ecolog2003@yandex.ru*

The paper is dedicated to the little known story related the relationship between the famous Tatar theologian and enlightener and his disciple – Salihjan Barudi and mullah Mahmoud Yusupov, imam of the Yaroslavl mosque (1907–1922). The sources the writing the paper consist of reminiscences of M. Yusupov's descendants living in Tatarstan at present, extractions from the city archives and Muhammad Mubaiin's work *Mirat ash-Shuruh* published in Kazan in 1903. Youthful Mahmoud studied it under the guidance of his preceptor Salihjan Barudi during the period of his student years at the Kazan madrasa (higher religious school). Later on, when he became an imam, he used the book in teaching religious subjects in school (maktab) attached to the mosque. The method of teaching was the same as in his student days. Reading and memorizing a particular fragment from the book, on the pupils acquired the basic principles of Islam dogma and ritual, practiced in vocabulary and grammar of the Arabic language. Work of M. Mubaiin served as a textbook for pupils of the mosque maktab up to 1931, when the school and mosque were liquidated by the city authorities.

Keywords: Salihjan Barudi, Mahmoud Yusupov, work of Muhammad Mubaiin «Mirat ash – Shuruh», religious education, maktab attached to the Yaroslavl mosque.

Черновская В.В. Салихджан Баруди и Махмуд Юсупов
(малоизвестная история отношений учителя и ученика)

For citation: Chernovskaya V.V. Salihjan Barudi and Mahmoud Yusupov (little known story of the relationship between a teacher and his disciple). *Istoricheskaya etnologiya – Historical Ethnology*, 2019, vol. 4, no. 2, pp. 312–319. DOI: 10.22378/he.2019-4-2.312-319

REFERENCES

1. Gosudarstvennyy arhiv of Yaroslavskaya oblast' [The State Archive of Yaroslavl Region]. Fond 79. Op. 13. File 1158. Lists 16, 17. (In Russian)
2. Gosudarstvennyy arhiv of Yaroslavskaya oblast' [The State Archive of Yaroslavl Region]. Fond 230. Op. 11. File 588. List 4. (In Russian)
3. Mubaiin M. *Mirat ash – Shuruh* [Mirat ash – Shuruh]. Kazan, Litho-Typography of I.N. Haritonov, 1903, 383 p. (In Arabic)
4. Yusupov M. *Galimjan Barudi* [Galimjan Barudi]. Kazan, Tatar Book Publ. House, 2003. pp. 52, 170–171. (In Russian)

About the author: Valentina V. Chernovskaya is a Doctor of Science (History), Professor, Senior Research Fellow of the Department of New history, Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7A, Baturin St., Kazan 420111, Russian Federation); ecolog2003@yandex.ru